

— Гердер Иоганн Готфрид
— Herder Johann Gottfried

ОСОБОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ ЛЮДЕЙ - ЯЗЫК

(Из книги «Идеи к философии истории человечества»)

В человеке, даже и в обезьяне, живет странный инстинкт подражательства, не подсказанного разумным рассуждением, а непосредственно производимого органической симпатией. Одна струна вторит другой, тела, чем чище, плотнее и однороднее они, обладают способностью вибрировать, – таково и органическое строение человека; это самое тонкое строение, а потому оно более всего настроено звучать в унисон с другими существами, вторить им и чувствовать их звуки в самом себе. История болезней человеческого рода показывает, что не только аффекты и телесные раны распространяются симпатическим путем, но даже и безумие.

На примере детей мы прекрасно видим, как проявляется гармония созвучных существ, именно ради нее телу ребенка на многие годы следовало бы оставаться арфой, откликающейся на всякий звук. Действия, жесты, даже чувства и мысли незаметно переходят к детям; они уже бывают настроены даже на то, чего они еще не могут исполнить на деле, они незаметно для самих себя следуют своему влечению – своего рода духовная ассимиляция. Таковы и сыновья природы – дикие народы. Они прирожденные мимы, все, что рассказывают им, все, что им хочется выразить, они живо воспроизводят; вот почему подлинный образ мысли их выражен в танцах, играх, шутках, беседах. Фантазия их, подражая, накапливала свои образы; эти образы – типы, которыми владеют как особым своим достоянием, память их и язык, поэтому мысли их без труда переходят в действие и усваиваются живой традицией.

Но сколь бы выразительной ни была их мимика, человек еще не пришел бы благодаря ей к отличительной особенности своего рода, к самому искусному и сложному, что есть у него, – к разуму. Человек становится разумным благодаря языку. Вглядимся пристально в это чудо, в это божественное насаждение, генезис живых существ и язык – величайшие чудеса всего земного творения.

Если бы кто-нибудь спросил у нас, как свести в звуки образы, которые представляют нам глаза, ощущения, которые доставляют нам органы чувств, как сообщить этим звукам внутреннюю энергию, способность выражать мысли и возбуждать мысли, – несомненно, люди сочли бы такую загадку выдумкой сумасшедшего, – заменяя одну другой совершенно непохожие друг на друга вещи, он вознамерился превратить цвет в звук, звук в мысль, мысль в живописующий образы звон. Но божество на деле разрешило эту проблему. Дыхание, исходящее из наших уст, становится картиной мира, наши мысли и чувства отпечатлеваются в душе другого человека. Все человеческое, что когда-либо делали на земле люди, все их мысли, желания, все будущие их мысли и дела – все зависит от слабого дыхания уст, от сотрясаемого потока воздуха, – если бы божественное дыхание не коснулось нас, если бы, словно волшебный звук, не застряло оно на наших губах, мы до сих пор, как дикие звери, бродили бы в лесах. Вся история человечества, все накопленные сокровища традиции и культуры – не что иное, как следствие разгаданной божественной загадки. И что еще более поразительно, так это то, что и после того, как загадка была разгадана и мы каждый день разговаривали друг с другом, взаимодействие орудий речи еще не понятно нам. Слух и речь тесно взаимосвязаны; когда претерпевает изменения органическое строение, одновременно изменяются органы слуха и речи. Мы видим, что и все тело построено так, чтобы эти органы согласовались между собой, – однако как взаимодействуют они – нам по-прежнему не ясно. Аффекты, особенно радость и боль, звучат в нашей речи; что слышат уши, о том говорят уста, образы и ощущения превращаются в духовные знаки, эти знаки могут быть осмысленным языком, они даже могут возбуждать души, – все это взаимосогласие множества органов и задатков, добровольный союз самых различных чувств и влечений, энергий и членов тела, установленный творцом, – такое же удивительное единство, как и союз души и тела.

Как странно, что сотрясаемое дуновение – это единственный и, во всяком случае, лучший способ выражать мысли и чувства! Не будь он столь непостижимым образом связан со столь не похожими на него действиями нашей души, и сами эти действия не совершались бы, все тонкое развитие нашего мозга было бы напрасным, все задатки нашего существа не получили бы окончательного развития, – об этом говорит и пример людей, выросших среди животных. И глухонемые от рождения,

годами жившие среди людей, видевшие человеческие жесты и другие знаки, продолжали вести себя как дети или животные в образе человеческого. Они повторяли то, что видели, но не понимали; и как бы ни выразительна была их мимика, они так и не могли связать знак и смысл. Ни у одного народа нет представлений, которых он не мог бы назвать; самый живой образ тонет в темном чувстве, пока душа не находит нужный признак и не запечатляет его благодаря слову в воспоминании, памяти, рассудке – в рассудке всего народа, в традиции, – чистый, обходящийся без языка разум, – это Утопия. То же можно сказать и о чувствах и о склонностях целого общества. Лишь язык превратил человека в человека, чудовищный поток аффектов язык сдержал дамбами и поставил им разумные памятники в словах. Не лира Амфиона воздвигла города, не волшебная палочка превратила пустыни в сады, – все это сделал язык, сблизивший людей. Благодаря языку люди объединились в союзы, приветствуя друг друга, они заключили союз любви. Язык утверждал законы, связывал роды; лишь благодаря языку стала возможной история человечества с передаваемыми по наследству представлениями сердца и души. И теперь встают перед моим взором герои Гомера, я слышу жалобы Оссиана, хотя тень певца и тени героев давно уже исчезли с лица земли. Но сотрясаемый устами воздух обессмертил их и являет образы их моему взору; голос давно умерших людей звучит в моих ушах, я слышу давно отзвучавшие слова их. Все, что думали мудрецы давних времен, что когда-либо измыслил дух человеческий, доносит до меня язык. Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душою первого, а может быть, и последнего человека на земле; короче говоря, язык – это печать нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколения в поколение.

Но, если взглянуть повнимательнее, мы увидим, что средство нашего воспитания и образования – язык – весьма несовершенен, рассматривать ли его как узы, соединяющие людей, или как орудие разума, так что трудно представить себе более легкую, летучую, невесомую паутину, чем ту, которой пожелал связать род человеческий творец наш. Благой отец наш, разве не возможно было иное исчисление мыслей наших, иное, более проникновенное соединение умов и сердец?

1. *Ни один язык не выражает вещи, но выражает только имена вещей; и человеческий разум не познает вещи, но только признаки вещей, обозначаемые словами,* – замечание охлаждающее, полагающее тесные

границы всей истории нашего рассудка и придающее ей полную несущественность. Вся наша метафизика – это метафизика; другими словами, это отвлеченный, упорядоченный перечень наименований, отстающий от опытных наблюдений. Перечисляя и упорядочивая вещи, такая наука приносит свою пользу и может служить введением ко всем искусственным приемам нашего рассудка; но если рассмотреть ее как таковую, по сути дела, то она не содержит ни одного полного и существенного понятия, ни одной существенной истины. Вся наша наука ведет счет, пользуясь отдельными внешними, отвлеченными признаками, не затрагивающими внутреннего существования вещей; у нас нет даже и органа, с помощью которого могли бы мы почувствовать и выразить такую сокровенность существования. Ни одной силы мы не знаем в ее существе – и даже не можем узнать: ведь даже ту силу, что одушевляет нас, ту, что мыслит в нас, мы чувствуем, но не знаем, мы пользуемся ею, но не понимаем ее. А потому мы не можем уразуметь и взаимосвязи причины и следствия, ибо не усматриваем ни внутренней сущности действующей причины, ни внутренней сущности производимого ею действия; о бытии вещи нет у нас ни малейшего представления. Бедный наш разум пользуется знаками и рассчитывает, некоторые языки соответственно и именуют его.

2. А с помощью чего же считает разум? Быть может, с помощью отвлеченных признаков, как бы несовершенны и несущественны ни были они? Не тут-то было! *Сами эти признаки еще раз облакаются в произвольные и совершенно чуждые их сущности звуки, которыми мыслит душа.* Получается, что разум считает на палочках и фишках, пользуется значками и пустыми звуками, ведь никто же не поверит, что есть существенная взаимозависимость между языком и мыслями, не говоря уж о самих вещах, – не поверит в это никто, кто знает хотя бы два языка. А ведь на свете языков куда больше, чем два! И все же разум считает, пользуясь каждым, и довольствуется игрой теней, приводя вещи в произвольную связь и порядок. Почему так? Вот почему: в распоряжении языка – одни несущественные признаки, а потому для языка в конце концов совершенно безразлично, пользоваться теми или этими значками. Ах, какую печаль вызывает такой взгляд на историю человеческого рода! Выходит, что мы по своей природе никак не можем избежать заблуждений, ложных мнений, и не потому что наблюдатель ошибается, а потому что таков сам генезис наших понятий. Если бы мы мыслили не отвлеченные признаки и выговаривали бы не произвольные знаки, а самую природу

вещей, – прощайте, ошибки, прощайте, ложные мнения, мы – в стране истины! А теперь – как далеки мы от истины, даже если нам и покажется, что мы вплотную приблизились к ней, ведь все, что я знаю о вещи, это внешний, отрывочный символ ее, облеченный в иной, произвольный символ. Правильно ли понимает меня другой человек? То ли представление связал он со словом, что и я, или он не связал с ним никакого представления?.. А он тем временем пользуется этим словом, считает с помощью его и, пожалуй, передаст другим в виде пустой скорлупки. Так всегда было с философскими школами и религиями. У основателя школы или религии были, по крайней мере, ясные представления, хотя от этого они еще и не становились истинными; но ученики и последователи понимали его по-своему, то есть в слова его вкладывали свое содержание, и вот, наконец, вокруг людей зазвенели одни пустые звуки. Сплошные несовершенства! Сплошные несовершенства заключены в единственно доступном нам средстве передавать мысли, и все же все наше развитие, вся наша культура привязаны к этой цепи, и мы не можем избежать ее.

В сказанном для истории человечества заключены важные последствия. Во-первых: если судить по избранному богом средству человеческого образования, то едва ли человек создан для философской спекуляции или чистого созерцания, слишком уж несовершенны они в том, в чем доступны нам. Итак, не для чистого созерцания создан человек: чистое созерцание или обман, потому что ни один человек не видит сокровенной сущности вещей, или остается чисто непосредственным, коль скоро не допускает признаков и слов. Сам созерцатель не может повести другого своим путем – тем путем, на котором обрел он свои несказанные сокровища; он вынужден предоставить своему ученику, его гению, сумеет ли тот приобщиться к созерцаемым им образам. Таким образом, по необходимости открываются врата перед тысячью напрасных мучений духа, перед хитрым обманом, которому нет конца, как показывает нам история всех народов. Но, очевидно, не создан человек и для философской спекуляции, потому что по своему генезису и способу сообщения она ничуть не совершеннее, а головы начетчиков она наполняет пустыми словесами. А уж если соединить обе крайности – спекуляцию и созерцание – и метафизических мечтателей повернуть к бессловесному разуму, преисполненному созерцаний, – о несчастный род человеческий, ты паришь в просторах вздора, среди холодного зноя и теплого холода! Благодаря языку божество повело нас по пути более надежному, по среднему пути.

Благодаря языку мы обретаем лишь рассудочные понятия, их довольно для нас, чтобы мы могли наслаждаться природой, применять на деле свои силы, здраво пользоваться своей жизнью и, короче говоря, воспитывать в себе дух человечности. Не эфиром дышим мы – для этого наша машина не приспособлена, – а здоровым воздухом земли.

Но если говорить о понятиях истинных и полезных, неужели мы должны верить отвлеченному философу, его гордой философии и думать, что люди и здесь далеки друг от друга? Нет, история народов и природа разума и языка не позволяют мне думать так. Несчастный дикарь, который в своей жизни видел мало, а понятий составил еще меньше, связывая понятия, поступал точно так, как и первый из философов. Язык у него был, как у философа, а благодаря языку он мог многообразно упражнять рассудок и память, фантазию и воспоминание. Был ли круг, в котором вращался он, уже или шире, не имеет значения, а важно то, что упражнял он свои способности по-человечески. Европейский мудрец не назовет ни одной душевной способности, которая была бы специфически присуща именно ему, мудрецу; что же касается соотношения разных сил, возможности упражнять их, то и тут природа стократно возмещает недостаток одного другим. У многих дикарей память, фантазия, практический ум, решительность, правильность суждения, живость выражений так процветают, как мало у кого из европейских ученых с их изощренным искусством и усложненным разумом. Но, конечно, эти последние с помощью чисто словесных понятий и знаков могут исчислить такие бесконечно тонкие и искусные комбинации, о которых и не думает естественный человек; однако если представить себе сидящую за столом счетную машину, разве будет она прообразом всего человеческого совершенства, счастья и здоровья? Пусть один мыслит в образах то, что не способен мыслить абстрактно, но если и нет у него развитой мысли о боге, то есть слов о боге, а он деятельно, всюю своею жизнью, постигает великий дух творения – бога, то он доволен жизнью и, пока жив, благодарит бога, и если он не может, пользуясь значками слов, доказать существование бога, а просто верует, то куда счастливее и бесстрашнее отправится он в страну праотцов, чем во всем сомневающиеся и верующие только на словах мудрецы-философы.

Итак, воздадим хвалу благому Провидению, благодаря нему люди в душе своей гораздо более схожи друг с другом, чем на поверхности, внешне, и причиной тому – несовершенное, но всеобщее средство – язык.

У нас разум – только благодаря языку, и язык – только благодаря традиции, вере в слово отцов. Самым неспособным учеником будет тот, кто потребует отчета в том, как и почему человек впервые воспользовался словами; вера в трудные вещи, такие, как наблюдение природы и опыт, помогут нам пройти через жизнь, здраво полагаясь на существующее. Глупец не верит своим чувствам, из него выйдет пустой философ; а тому, кто, доверяя и упражняя свои чувства, именно этим самым исследует и исправляет их, тому одному достанется сокровище опыта, которого хватит на всю жизнь человека. Ему будет довольно того языка, какой есть, при всех его ограничениях, ведь язык должен лишь направлять внимание наблюдающего природу человека, должен повести его к самостоятельному, деятельному пользованию душевными силами. Более утонченное наречие, пронизывающее все сущее, словно луч Солнца, не могло бы быть всеобщим, а для сферы той более грубой деятельности, какой заняты мы в наши дни, оно было бы настоящим бедствием. То же можно сказать и о языке сердца, и этот язык говорит немного, но и этого немного довольно, и наш человеческий язык создан, скорее, для сердца, чем для разума. Рассудку помогут жест, движение, сам предмет, но чувства сердца так и остались бы скрыты, если бы мелодический поток речи не перенес их на своих кротких волнах в сердце другого человека. И это еще одна причина, почему творец избрал орудием нашего воспитания музыку звуков – язык чувства, язык матери и отца, ребенка и друга. Если души существ не могут коснуться друг друга и разделены, словно решеткой, они шепчут друг другу слова любви, а если бы эти существа говорили языком света, то и весь их облик и все звенья их воспитания несомненно изменились бы.

Во-вторых. *Философское сравнение языков* было бы самым превосходным опытом истории и многогранной характеристики человеческого рассудка и души, в каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа. Не только инструменты языка видоизменяются вместе со страной, почти у каждого народа есть свои буквы и свои особенные звуки; наименования вещей, даже обозначения издающих звуки предметов, даже непосредственные изъятия аффекта, междометия – все отличается повсюду на Земле. Когда речь заходит о предметах созерцания и холодного рассуждения, то различия еще возрастают, и они становятся неизмеримыми, когда речь доходит до несобственного значения слов, до метафор, когда затрагивается строение языка, соотношение, распоря-

док, взаимосогласие его членов. Гений народа более всего открывается в физиогномическом образе его речи. Всегда весьма характерно, чего больше в языке – существительных или глаголов, как выражаются лица и времена, как упорядочиваются понятия, все это важно в самых мелких деталях. У некоторых народов мужчины и женщины пользуются разными языками, у других целые сословия различаются по тому, как говорят они о себе – «я». У деятельных народов – изобилие наклонений, у более утонченных наций – множество возведенных в ранг абстракций свойств предметов. Но самая особенная часть всякого языка – это обозначение чувств, выражения любви и почитания, лести и угрозы; слабости, присущие народу, иной раз обнажаются здесь, производя комический эффект. Почему я не могу назвать труд, который исполнил бы – хотя бы в незначительной степени – мечту Бэкона, Лейбница, Зульцера и других о создании *всеобщей физиогномической характеристики народов по их языкам*? Материалы для такой книги найдутся в лингвистических трудах, в записках путешественников, бесконечно трудной, обширной такая книга не будет, потому что все ненужное можно опустить и вместо этого по-настоящему воспользоваться тем, что можно ясно рассмотреть со всех сторон. В изяществе и поучительности тоже не будет недостатка, потому что все своеобычное, что есть в народе, в его рассуждении, в его фантазиях, нравах, образе жизни, представится наблюдателю целым садом, итогом будет развитая *архитектоника человеческих понятий, наилучшая логика и метафизика здравого рассудка*. Венок повешен на вершину столба, и в свое время новый Лейбниц найдет его.

Сходным трудом была бы и история языков некоторых народов в связи с пережитыми ими переломами, в первую очередь я имею в виду язык нашего отечества. Хотя он, в отличие от других, и не смешивался с чужеземными языками, но все же он весьма изменился со времен Отфрида, и особенно изменилась грамматика. Сопоставление различных культурных языков, пережитых ими катастроф, каждым новым оттенком света и тени создавал бы переменчивую картину многообразных путей развития, поступательного движения человеческого духа; если судить по различным наречиям – все возрасты человеческого духа представлены на земле и все цветут. Вот – народы, переживающие период детства, вот – народы, которые вступили в пору юности, вот возмужалые народы и, наконец, престарелые; а сколько народов, сколько языков воскресали из праха, скольким привит был побег другого языка!

И вот традиция традиций – письменность. Если язык – это средство воспитать *человечность* в нашем роде, то письменность – это средство *учености*, образованности. Все народы, не затронутые путями этой искусственной, сложной традиции, остались некультурными, если полагаться на наши понятия, а те, что даже несовершенно приобщены были к этому средству культуры, сумели подняться и увековечили разум и законы в знаках письма. Смертный, кто открыл это средство – связывать быстротечный дух не только узами слова, но и узами буквы, – был словно богом среди людей.

Но что было заметно уже тогда, когда мы говорили о языке, теперь еще заметнее: и это средство увековечения наших мыслей придало определенность духу и речи, но одновременно и ограничило и связало их своими путями. Вместе со знаками письма угасали постепенно живые акценты, живые жесты речи, все то, что прежде так помогало словам смело проникать в самую душу человека; в результате сократилось количество диалектов, наречий, характерных для народов и племен, ослабла память людей, живая сила их духа; всему этому виною искусственное средство – предначертанные формы выражения мысли. И человеческая душа давно бы уже была раздавлена ученостью, книгами, если бы само Провидение не давало передышки нашему духу, прибегая к разрушительным катастрофам и революциям. Рассудок связан буквой, и вот он уже не идет, а робко пробирается, плетется через силу; лучшие наши мысли умолкают, погребенные в мертвых черточках письма. Но все это не мешает нам видеть в письменной традиции самое долговечное, самое упорное и действенное установление бога на земле, – благодаря нему народ воздействует на народ, столетия – на столетия, а со временем весь человеческий род будет связан единой цепью братской традиции.

